

Что такое смерть?

Это тишина. Это погружение в бездну, но в то же время ощущение парения, подъема. Шум вокруг кажется приглушенным, будто доносится сквозь толщу воды. Где-то вдалеке слышны голоса, зовущие его по имени, а перед глазами мелькают образы: человек, с яростью вонзающий нож в его детское тело.

Раз, еще раз...

Звуки постепенно затихают, душа медленно растворяется в первобытной тьме.

Он умрет в нежном возрасте.

Он уже умер в нежном возрасте.

Прошлое, настоящее, будущее... Жизнь человека, сжатая до предела, проносится перед глазами, как кадры киноплёнки.

Он парит высоко над землей, замороженно глядя на свое изуродованное тело. Видит отца, который держит его на руках и вот-вот сойдет с ума от горя; видит папу, чьи глаза полны слез; видит дядю с мрачным, остекленевшим взглядом; и...

Видит брата, на лице которого не дрогнул ни один мускул.

Они отвезли его в лучшую клинику, но ослепительно-алая кровь пропитала простыни на операционном столе.

В конце концов, белое полотно накрыло это маленькое, хрупкое тельце.

Пошел дождь.

Холодные нити воды бесконечной пеленой окутали торжественное молчание кладбища. Сегодня день его похорон.

Глаза Юнь Шуюэ налиты кровью, губы потрескались и пересохли. Поддерживаемый Си Юанем, он смотрит, как опускают в землю ледяной гроб. За их спинами стоят лишь Юнь Июэ да Цзин Яньчжоу с сыном.

— А-Юань... я хочу пойти к нему, — отрешенно бормочет Юнь Шуюэ. — Он такой маленький, ему всего семь... Малыш Бай Цю не может остаться без папы, не может без... Те проклятые выродки, они умерли слишком легко... Я должен был заставить их прожить дольше, вкушая самые изощренные пытки...

— Шуюэ, — Си Юань крепче сжимает его в объятиях, пытаясь дозваться. — Шуюэ...

Юнь Шуюэ, чьи глаза пылают красным, вдруг резко вырывается и падает на ледяной гроб. Его фигура кажется настолько тонкой и изможденной, что кажется — одно дуновение ветра развеет его в прах. Из его груди вырывается хриплый, надрывный крик.

Юнь Июэ закрывает глаза и отворачивается к бесконечной дождевой завесе, скрывая затаенную глубокую скорбь, которую он больше не в силах видеть.

Цзин Ян стоит рядом с Цзин Яньчжоу и тихо спрашивает:

— Что такое смерть?

— Это вопрос, на который я много раз хотел спуститься туда и спросить твоего папу лично, — ровно отвечает Цзин Яньчжоу, в его ледяных голубых глазах не читается ни одной эмоции.

— ...Мне кажется, здесь, — Цзин Ян касается ладонью своего сердца, — внутри стало пусто.

Дождь усиливается, мир превращается в бескрайнюю белую пустоту.

Песчинки времени утекают сквозь пальцы: день за днем, год за годом. Уголки глаз его отцов покрываются сетью морщин, на висках появляется седина.

А Си Бай Цю, который всё это время незримо парит рядом, взрослеет: ему семь, десять, семнадцать...

До тех пор, пока в один роковой день Юнь Шуюэ не погибает в самоубийственной атаке на полях космических сражений. Как бы Бай Цю ни кричал, разрывая легкие, он не смог остановить папу, нажавшего на кнопку детонации реактора меха. Его папа навсегда остался в объятиях безмолвного космоса.

А когда Си Юань узнал об этом, его спина сгорбилась за одну ночь, а черные волосы полностью поседели.

И тогда, во время очередного задания по зачистке вражеских сил, Си Юань, игнорируя приказы и протесты подчиненных, в одиночку на своем мехе ворвался в самое сердце вражеского логова, вступив в безумную, последнюю схватку с главнокомандующим врага.

Наконец, в той самой части космоса, где когда-то исчез Юнь Шуюэ, Си Юань, улыбаясь, активировал систему самоуничтожения своего меха.

Его отец тоже погиб в том безмолвном море звезд.

У Си Бай Цю давно иссякли слезы. Он лишь ошеломленно и с глубоким отчаянием смотрел на великолепную, ослепительную туманность, не в силах понять, как всё дошло до этого.

Теперь он мог лишь парить рядом с Цзин Яном или Юнь Июэ. Но дядя почти не выходил из дома, всё время проводя в глубоком сне в капсуле с анабиотиком, поэтому Бай Цю чаще всего сопровождал Цзин Яна.

Как и ожидалось, Цзин Ян стал Альфой высшего класса. Пять лет назад он взошел на трон, сосредоточив в своих руках абсолютную власть.

Его брат вырос в статного, невероятно красивого мужчину с мощнейшими феромонами и ментальной силой. В общении он был мягким и рассудительным, но для врагов оставался беспощадным тираном; для же народа Империи он был безусловным лидером, стремящимся к их процветанию.

Все трепетали перед его величием, уважали его проницательность и боялись его гнева.

Никто не знал, что глубокой ночью Император часами сидел в тишине, глядя на звезды, или брал в руки резец, чтобы снова и снова вырезать что-то из кусков полимерной смолы.

Двадцатидвухлетний Си Бай Цю сидел рядом с ним, сопровождая его в каждую бессонную ночь.

Но больше всего его терзало время «чувствительного периода» Цзин Яна.

Альфа в этот период нуждается в Омеге с коэффициентом совместимости выше 60%. Чем выше класс Альфы, тем выше требуется совместимость — вплоть до почти 100%, до так называемой «судьбоносной пары».

Столько лет прошло, но Цзин Ян так и не встретил свою истинную Омегу. Из-за этого с момента совершеннолетия каждый его «чувствительный период» сопровождался всё более яростными всплесками ментальной энергии. Жажда разрушения и крови росла, а нерастроченные феромоны заставляли вены на теле вздуваться от нестерпимой боли, граничащей с пыткой.

— БАХ!

Черные цепи впивались в запястья, удерживая его руки. Шелк рубашки, пропитавшийся потом, намертво прилип к мощным мышцам. Капли пота стекали с подбородка на ключицы, обнажая пульсирующие вены на шее.

«Брат...» — Бай Цю в панике метался вокруг, но, будучи лишь душой, он был бессилен облегчить страдания Цзин Яна.

Чтобы контролировать вспышки ментальной агрессии и жажду убийства, Цзин Ян запирался в подземном бункере на время своего пикового состояния. Никто, кроме него самого, не мог войти или выйти. Даже старый дядя Хань, вырастивший его, мог лишь со вздохом стоять у металлической двери.

Дядя Хань не раз предлагал привести Омегу. Если совместимость хотя бы 80%, это помогло бы избежать хотя бы шокового состояния от боли.

Но Цзин Ян отказывался.

Он не позволял никому приближаться к себе в этот период.

Однажды младшая дочь военного министра, наивная и одержимая Императором омега, решив, что их совместимость в 89% дает ей право на благосклонность, подкупила слуг и попыталась перехватить Цзин Яна по пути в бункер, высвободив свои феромоны.

Результат: избалованная девушка едва не стала инвалидом, получив ментальный удар от его неконтролируемых феромонов.

— БАХ! БАХ! БАХ!

Цзин Ян, закрыв глаза, сидел у стены, с силой ударяясь затылком о твердый металл, чтобы перебить безумную боль. Бай Цю смотрел на это, затаив дыхание, и рыдал от жалости.

Статный Альфа приоткрыл веки — его разноцветные глаза, синий и зеленый, были подобны бездонным океанам. Спустя время он разблокировал электронные наручники, откинул назад прилипшие ко лбу пряди волос, обнажив лицо с глубокими, породистыми чертами.

Боль в этот период приходила волнами: то внезапными ударами острого ножа по костям, то тысячами мелких игл под кожу.

Серебряный резец красиво вертелся в пальцах Цзин Яна. Опустив взгляд, он приложил лезвие

к своей руке и медленно провел вниз.

«Брат, не надо так», — шептал Бай Цю, инстинктивно пытаясь ухватить Цзин Яна за руку своими призрачными пальцами, но они проходили сквозь него.

«Не надо...» — Бай Цю опустил плечи, его голос срывался на шепот.

Цзин Ян не слышал его и ничего не чувствовал. Он лишь равнодушно смотрел на выступившие капли крови, покрывая свои руки глубокими порезами.

Бай Цю не знал, что помимо боли и подавления негативных эмоций, в этот период у Альфы пробуждаются сильнейшее чувство собственности и жажда защиты. Эти чувства у большинства Альф направлены на партнера и служат катализатором любви. Поэтому они вступают в отношения, делятся своими чувствами в повседневности, и тогда пиковый период проходит легче.

То, как Цзин Ян справлялся с этим в одиночку, полагаясь лишь на свою волю, было чем-то пугающим и нечеловеческим.

Бип.

Цзин Ян приказал стене превратиться в огромное зеркало. Он встал, снял верхнюю одежду и принялся спокойно рассматривать свое отражение.

Идеальная фигура — широкие плечи, узкая талия, мощная мускулатура и длинные ноги. Альфа-гормоны, исходящие от этого взрослого тела, были настолько интенсивны, что сердце невольно начинало биться чаще.

Бай Цю же, не обращая внимания ни на что другое, в ужасе расширил глаза и закричал:

«НЕТ—!!»

Цзин Ян приставил резец к собственному горлу и медленно провел вниз до ключицы, оставляя длинную кровавую линию.

<http://bllate.org/book/17726/1658752>